Бригадина, О.В. Социальная стратификация городского населения Российской империи XIX в. в зеркале моды и одежды / О.В. Бригадина // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Вып. 5 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2010. — С. 165-174.

О.В. Бригадина

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ГОРОДСКОГОНАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX в. В ЗЕРКАЛЕ МОДЫ И ОДЕЖДЫ

Последнее десятилетие продемонстрировало растущий интерес российских историков к повседневной жизни населения. Формируются самостоятельные направления научного поиска, под новым углом зрения анализируются хорошо известные источники, вводятся в научный оборот новые документы. История повседневности постепенно превращается в отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах [2, с. 105]. Одним из перспективных направлений представляется история моды, одежды, костюма. Внешний облик человека является отражением его внутреннего состояния, поэтому исследования в данном ракурсе способны приблизить к пониманию сословных и индивидуальных ценностей населения, его мироощущения, осознания собственного места в обществе. По одежде порой можно судить не только о личных пред почтениях человека, но и составить представление об эпохе. Нельзя не согласиться с точкой зрения историка моды Р. М. Кирсановой, которая убеждена, что «история костюма — это история культуры в самом широком смысле этого слова. Все, что смогло достичь человечество в раз личных сферах деятельности, нашло свое отражение в одежде. Успехи инженерной мысли сказались в крое и совершенстве ткачества, развитие химии — в красителях и новых материалах… Костюм дает представление о культурных и экономических контактах народа, его эстетических идеалах и обычаях… Одежда обладает многими свойствами языка, сообщая о человеке, который ее носит, самую разнообразную информацию, дающую представление не только о свойствах его характера и привычках, но и о той социо-культурной среде, к которой этот человек принадлежит» [6, с. 7]. Аналогичной точки зрения придерживается историк культуры Н. Н. Бабичева: одежда, украшения, знаки различия и прически выражают социальную сущность человека, его положение в обществе, его состояние, пол и возраст, и при этом костюм всегда отражает определенное историческое время [1, с. 3]. Таким образом, по одеж-

де можно определить социальный статус человека. Особенно заметны эти различия в многообразной городской среде.

В XIX в. сословный состав населения городов России отличался особой пестротой. К 1897 г. среди городских жителей было 6,2 % представителей дворянства и чиновничества, 1 % — духовенства, 1,3 % — купцов, 44,3 % — мещан, 38,8 % — крестьян [9, с. 180]. Общепризнанной столицей российской моды являлся Петербург с развитой торгово-промышленной инфраструктурой и традиционными контактами с престижными модными домами Парижа и Лондона. Бесспорное влияние на становление и развитие российской индустрии моды оказали изобретение в 1801 г. «жаккардовой» техники производства тканей, позволявшей получать полотно с любыми переплетениями нитей и сложным орнаментом, и появление швейной машинки И. Зингера. В 1830е гг. на улицах Петербурга стали появляться первые модные магазины. В 1848 г. открылся Пассаж,

который представлял своеобразную улицу из торговых помещений, перекрытую стеклянной кровлей. Этот торговый центр был довольно популярен среди столичных жителей. Зачастую туда приходили не столько за покупками, сколько на прогулку. К концу века обилие магазинов, предлагавших все необходимое для того, чтобы «выглядеть петербуржцем», поражало: только на Невском проспекте было 76 магазинов тканей, 51 — галантерейных, белья — 44, обувных — 31, суконных — 25, торгующих золотом и серебром — 21, мехами и ювелирными изделиями — по 14, магазинов головных уборов — 13. Были открыты специализированные магазины по продаже перчаток, вышивок и кружев, искусственных камней, зонтиков и галстуков, дамских рукоделий и изделий из кожи [5, с. 379]. Цены на товары зависели от престижа торгового заведения. В многочисленных лавках на городских рынках можно было купить «модные вещички» в 4—5 раз дешевле, однако, по утверждению журнала «Северное сияние» за 1862 г., покупатель приобретал лишь «подобие» этой вещи [5, с. 126].

Столичная аристократия и крупная буржуазия шили костюмы за границей или у постоянных портных-иностранцев у себя дома. В таких мастерских специально имелись манекены, сделанные по фигуре бога того клиента. Законодательницей дамских мод в Петербурге была француженка мадам Бриссак, которая «сколотила целое состояние и приобрела в столице особняк… Все ее клиентки, в том числе сама царица, жаловались на цены, которые та заламывала» [5, с. 378]. Помимо портных, шивших все типы и виды костюмов, были специалисты (модистки) по дамским шляпам, по военным и гражданским мундирам, одеж-

де для лакеев и облачению для духовенства. Портные самой высокой квалификации шили только фраки, визитки, сюртуки и смокинги. Элегантный внешний вид, как правило, стоил довольно дорого. В седьмом номере «Журнала для милых» за 1804 г. была помещена информация под шутливым заглавием «Что должно проживать в год женщинам». В этот перечень товаров, ориентированных на молодую столичную модницу, были внесены булавки и шпильки на 50 руб., головные уборы — 290 руб., платья, шубы, тулупы — 700 руб., драгоценности — 52 500 руб., башмаки — 300 руб. Если этот список дополнить разными мелочами (лорнеты, конфеты, веера, карнавальные маски и прочее), то общая сумма ежегодных расходов «золотой молодежи» на свой внешний вид и светский лоск обходилась примерно в 55 тыс. руб. Для сравнения: модницы провинциальных городов, разночинцы, мещане, небогатые купцы, люди пожилого возраста «проживали в год всего лишь двести с лишним рублей» [14, с. 254—255].

Светское общество требовало безукоризненного воспитания, хороших манер, умения свободно держать себя и поддерживать легкий раз говор на любую тему, достаточно правильно и бегло говорить по-французски. Непременной чертой светского человека была сдержанность. Спор, эмоции, выбор темы беседы, которая была бы обременительна для собеседника, считались неприличными. Свет требовал от своих членов приличного поведения и безукоризненного внешнего вида, в том числе хорошо подобранных и отлично сшитых, модных, но без экстравагантности, перчаток, обуви, галстуков, часов, тростей, носовых плат ков и других аксессуаров. «Скромной роскошью» отличались многие представители титулованной знати. Законодательницами стиля считались баронесса В. И. Икскуль, графиня О. К. Орлова, княгиня З. В. Юсупова. Они обладали сочетанием всех необходимых качеств — высоким социальным положением, прекрасными внешними данными, хорошим воспитанием и образованием, природным артистизмом. Им вполне была доступна дорогая простота в одежде. Про графиню О. К. Орлову говорили, что на свои наряды она тратила до 100 тыс. руб. [7, с. 93]. Харизма некоторых дам высшего петербургского общества делала их признанными лидерами моды.

Купеческая Москва и сановный Петербург, в равной степени ориентированные на европейскую моду, отличались друг от друга по внешнему облику. «Петербург наблюдает большое приличие в своей одежде, не любит пестрых тонов и дерзких отступлений от моды, зато Москва требует, чтобы во всей форме была мода», писал корреспондент журнала

«Мода» в 1891 г. [7, с. 92]. Петербургская аристократия стремилась вы разить свою индивидуальность особым стилем: просто, изящно, дорого. Московское общество, менее ориентированное на придворный эти кет, было свободнее в своем модном выборе. Некоторые москвички, например жена известного промышленника-миллионера и мецената П. А. Бурышкина А. Н. Бурышкина, могли позволить себе наряды лю бой стоимости, экстравагантные модели реформатора женского костюма французского кутюрье П. Пуаре и даже определенный эпатаж в одежде. Но этого было недостаточно для признания высшим светом. По мнению известного театрального режиссера, одного из основателей Московского художественного театра В. И. Немировича-Данченко, «дворянство завидовало купечеству, купечество щеголяло своим стремлением к цивилизации и культуре, купеческие жены получали свои туалеты из Парижа, ездили на зимнюю весну на Французскую Ривьеру и в то же время по каким-то причинам заискивали у высшего дворянства. Чем человек становится богаче, тем пышнее расцветает его тщеславие. И выражалось оно в странной форме…» [7, с. 93].

Экстравагантность как стиль жизни и манеру поведения демонстрировали молодые люди из дворянской элиты и состоятельных купеческих семей. Роскошная европейская мода привела к распространению щегольства как особой культуры самовыражения через одежду. Облик русского денди составляли белые рубашки со стоячими белыми воротничками, настолько тугими, что их иногда называли «отцеубийцы», один или несколько жилетов самых невероятных расцветок и тканей, шейный платок, длинные до сапог панталоны со штрипками и фрак или редингот. Весь этот наряд дополняли пуговицы из меди, латуни, фарфора и даже драгоценных камней. О костюме денди писали А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь и другие писатели: «…Он был одет прекрасно. Темно-коричневый фрак с таким же бархатным воротником придавали телу какую-то особую щеголеватость. Шею обвязывал длинный черный шарф с пестрыми узорами, небрежно приколотый двумя булавками с висячими камушками от Стора и Мортимера (фешенебельная ювелирная фирма в Лондоне). Жилет, вышитый шелком, с гранатовыми пуговицами дополнял костюм» [12, с. 215]. Феномен дендизма заключался в изысканности и элегантности, что предполагало, с одной стороны, безукоризненный крой костюма, качество ткани, белизну рубашки, а с другой стороны — нарочитую небрежность в поведении.

О высоком социальном статусе горожанина свидетельствовала форменная одежда. Чиновники разных рангов обязаны были носить мун-

диры, форма которых утверждалась лично императором. Изображения мундиров и сопутствующих им деталей с указанием размеров помещались в конце томов «Полного собрания законов Российской империи». Здесь же следовало подробное описание ткани, цвета, узора шитья, инструкция о правилах ношения и т. д. Каждое ведомство имело свою форму в нескольких вариантах: парадную, ежедневную, зимнюю, летнюю. Расходы на «постройку мундира» брало на себя государство. Стоимость парадного, расшитого золотом мундира члена Сената была равна месячному окладу министра [5, с. 342]. Госслужащим, не имевшим классного чина, вне работы носить мундир запрещалось.

Классные чины (губернаторы, сенаторы и т. д.) могли ходить в форме и обязательно при шпаге в любое время.

«Партикулярное платье», т. е. штатская одежда состоятельных горожан, отличалось функциональностью и определенным консерватизмом. В XIX в. мужской гардероб составляли сорочка с галстуком, панталоны, фрак, сюртук, затем пиджак, визитка, смокинг, редингот, плащ, шинель, затем пальто разного покроя и шляпы различных типов (цилиндр, боливар, котелок и пр.).

В 1835 г. были введены мундиры и для студентов российских университетов. В «Правилах для студентов Санкт-Петербургского университета» говорилось, что в одежде студенты должны соблюдать установленную форму и опрятность, не носить усов и длинных причесок. На публичные собрания, на гулянья и на улицу полагалось ходить при шпаге и быть застегнутыми на все пуговицы и крючки. Пестрые галстуки и брюки при форменной одежде носить запрещалось. Инспектор мог любого, даже самого способного студента публично раскритиковать за малейшую небрежность в одежде, вплоть до расстегнутой пуговицы. Для самих студентов мундир был знаком социальной ценности, свидетельством их принадлежности к системе госслужбы. Для университетской администрации, по словам министра народного просвещения А. С. Шишкова, — «облегчением присмотра за воспитанниками и придания учебным заведениям порядка и благоустройства» [4, с. 68]. Проблема гарде роба вставала перед молодым человеком, как только он переступал по рог высшего учебного заведения. Студент должен был обзавестись хотя бы самыми необходимыми предметами форменного платья. Большинству студентов был не по карману штатный комплект, состоящий из парадного мундира с золотым шитьем и шпагой, сюртука, тужурки, брюк, зимнего и летнего пальто, фуражки. По количеству и качеству предметов одежды можно было судить о реальном социальном положении их вла-

дельца. Одежда была показателем имущественного расслоения российского студенчества. В 1895 г. среди студентов российских университетов было 45,3 % представителей дворянства, чиновников и офицеров, 4,9 %— духовного звания, 7,8 % — сыновья почетных граждан и купцов, 33,1 % — из мещан, 6,8 % — из крестьянских семей [3, с. 194]. Самые состоятельные шили одежду на заказ. Для большинства студентов шитье на заказ по цене было запредельным. Чаще всего затраты на необходимую форму ограничивались покупкой шинели в магазинах готового платья, послу чаю или у старьевщиков на городских рынках.

Предпочитали одеваться в «домах готового платья» и небогатые горожане. В Петербурге только на Невском проспекте в конце XIX в. находилось более 80 таких магазинов под общей вывеской «Венский шик» [5, с. 379]. Популярны были также лавки и магазины, в которых отсутствовали фиксированные цены. Цены «без запроса» позволяли покупателям приобретать товары на выгодных для себя условиях. С 1808 г. в Москве на Фомину неделю начали проходить распродажи. Все «оста точки — обрезки» продавались за гроши. Ассортимент уцененных то варов был довольно широк: фарфоровая посуда, скобяные изделия, зерно и мороженая рыба, ковры и мебель. В «шкафах» и «шкафчиках» (крупных и мелких лавках) покупатели могли приобрести ридикюли с замочками, изящные книжки-карне для балов, стразовые диадемы и настоящие бриллианты, страусовые перья и роскошные меховые палантины. Торговля текстилем и галантерейным товаром была наиболее популярной у населения. «Абсолютно все — и скромные барышни, и почтенные дамы — запасались тканью и кружевами, чтобы весь год шить наряды» [9, с. 103]. Небогатые купцы, служащие, мещане информацию о последних новинках моды получали из специальных журналов: «Венский шик», «Дамский мир», «Модный свет», «Парижская мода» и пр. На моду влиял и театр. Часть публики

специально шла на спектакли Михайловского театра в Петербурге, чтобы посмотреть на туалеты при мадонн французской труппы.

Европейская одежда все глубже проникала в самые разные слои городского общества. Купечество, долгое время предпочитавшее старинные долгополые сюртуки, постепенно привыкало к костюмам от английских или французских портных. Вера в то, что модный фрак от кроет любые двери и изменит жизнь к лучшему, оказалась довольно распространенной среди многих представителей среднего класса. Об этом явлении писал В. Г. Белинский: «…даже последний чиновник старался одеваться у порядочного портного и носить на руках хоть и за-

саленные, но желтые перчатки» [14, с. 287]. В. Г. Белинский определил этот социокультурный феномен как «передразнивание быта большого света». Однако образ купеческой четы в глазах света продолжал нести в себе оттенок сарказма и иронии. Художник А. Н. Бенуа в своих воспоминаниях честно признавался о своем насмешливом отношении к миллионерше Н. А. Сапожниковой — жене известного астра ханского купца-рыбопромышленника: она «щеголяла бриллиантами и жемчугами невиданной красоты, окружила себя штатом фаворитов и приживалок, металась из Парижа в Астрахань, из Петербурга и Ниц цу, проигрывала десятки тысяч рублей в Монте-Карло, заказывала себе, дочерям и внучкам бесчисленные платья у самых дорогих парижских портных» [13, с. 107]. Для многих купеческих семей наряды жены являлись показателем богатства мужа. Главы семейств предпочитали не скупиться, а покупать одежду для жен и дочерей в престижных магазинах. Купчихи старались как можно чаще демонстрировать капиталы мужа. Круг общения больше не ограничивался домом и церковью. Нередко с мужьями они выезжали в свет, посещали благотворительные публичные мероприятия и городские праздники. Однако взгляд современника быстро отличал элегантную аристократку от стремив шейся быть похожей на нее представительницу «третьего сословия». «Купеческий налет» отражался в выборе тканей, кричащей роскоши драгоценностей, весьма откровенном декольте и слишком прилегающем лифе бального платья. Легко можно было узнать купчиху и на улице: наряду с модными пальто и манто столичные купчихи и купеческие дочки часто носили бархатные салопы на меху с широкими рука вами и длинными пелеринами.

Провинциальное купечество в большинстве своем довольно настороженно относилось к любым переменам в своем жизненном укладе, к европеизированной манере одеваться. Расточительство и мотовство дворян, распущенность нравов и пренебрежение ко всему русскому вызваны были, по мнению купеческих обывателей, нарушением традиций и пристрастием к иностранной моде и языкам. Исследователь купеческого сословия Пермской губернии Н. С. Попов выделил две категории купцов: тех, кто одевался в «платье Немецкое», и тех, кто но сил «Русскую одежду». Первые брили бороду, служащие надевали мундиры и фраки, носили сюртуки с камзолами и жилетами. Самые «онемеченные» обувались в башмаки с шелковыми чулками и серебряными пряжками. Их жены и дочери наряжались в парчовые и бархатные платья с мантильей, а голову покрывали большими шелковыми, расшиты-

ми серебром и золотом платками. Купеческие дамы украшали себя жемчужными нитками, бусами из аметистов, аквамарина, янтаря. На руках у них обычно красовались «в немалом числе» перстни. Сторонники «русского платья» в одежде обычно предпочитали цветного сукна кафтаны, под которые надевали камзол и суконную рубаху. Женщины в таких семьях носили душегреи, сарафаны, на голове — кокошники [2, с. 109— 110]. Общее, что

объединяло сторонников традиции и приверженцев моды, — это стремление продемонстрировать свое благополучие.

Среда обитания оказывала несомненное влияние на внешний об лик городских обывателей. В социальной структуре общества мещане занимали промежуточное положение между небогатым купечеством и крестьянством, что определяло их мировоззрение и образ жизни. Вместе с тем мещанство, являясь наиболее многочисленной частью городского населения, вольно или невольно превращалось в активный субъект урбанизированной культуры. Городская инфраструктура, доступность услуг в сфере культуры и образования, иной, чем в провинции, темп жизни создавали условия для постепенного изменения мещанского имиджа. В начале века в этой среде был популярен традиционный костюм, состоящий из рубахи русского покроя и шелковой юбки ярких расцветок. Поверх головного убора женщины обязательно надевали платок из кисеи. Из обуви предпочитали цветные туфли. В торжественных случаях мещанки наряжались в сарафаны из белого шелка, подол которого был украшен лентами. Туалет дополняли кофта с кисейными рукавами и атласными бантами и тонкого шелка платок с кружевами. Видимые сдвиги во внешнем облике дам мещанского сословия произошли лишь в конце XIX в. Их одежда стала отличаться от костюмов аристократок не фасоном, а уровнем кроя и шитья, качеством ткани, отделки и аксессуаров. В отличие от светских дам, довольно умеренно пользовавшихся косметикой, представительницы купеческо-мещанской среды охотно «поправляли» лицо румянами, белилами и другими парфюмерными средствами. Цены на косметику были довольно высоки: «румяны фруктовые алые по 10 руб., а розовые — по 8 руб. фунт; пудра первого номера с разными духами — пуд — 10 руб., помада лучшая в банках с разными духами — 10 руб., второго сорта — 6 руб… В то же время десяток куропаток стоил 80 копеек, корову можно было купить за 35—40 руб.» [14, с. 227]. Однако ни призывы врачей вооружиться здравым смыслом и быть разборчивыми в выборе косметики, ни до вольно высокие цены на эти средства не могли убедить женщин отказаться от соблазна стать еще красивее и милее.

Своеобразие мужского костюма владельцев мастерских, лавок, трак тиров заключалось в сочетании вещей. Некоторые заимствовались у «господ», другие имели крестьянское происхождение, но отличались качеством и ценой. Из обуви предпочитали сапоги, приказчики и мастеровые щеголяли в сапогах с мягкими голенищами в «гармошку» и со скрипом.

Свои отличия в одежде имели и представители рабочего класса. К концу века квалифицированные рабочие (полиграфисты, металлисты) приходили на работу в пиджаках, рубашках с отложным воротником и галстуком, обувались в ботинки или штиблеты. Во время рабочего дня надевали блузу из сатина или чертовой кожи и нарукавники. Малоквалифицированные рабочие демонстрировали пренебрежительное отношение к своему внешнему виду. Объяснить это можно слабой профессиональной мотивацией и низкой среднемесячной зарплатой: 15 руб. в 1835 г., 24,2 руб. — в 1913 г. [11, с. 392]. Исключение составляли праздники. В торжественные дни надевали под жилетку сатиновые или шелковые косоворотки — белые, голубые, розовые с цветным узором по борту и рукавам. Подпоясывались шелковым шнурком с кистями или широким эластичным поясом с кармашком для часов и кольцом для часовой цепочки. Плисовые брюки заправляли в сапоги, на которых красовались галоши.

Отличались своим внешним видом в городской среде и работницы. Большинство из них носили цельнокроеные ситцевые платья с прилегающим лифом и присборенной юбкой. К концу века небывалую популярность приобрели так называемые «парочки» — сарафаны с кофтой, которые украшали оборками, лентами и воланами. Молодые девушки из рабочих семей, желавшие одеваться по моде, покупали недорогие веера и нитяные

перчатки, обували модные кожаные ботинки с резинками по бокам. Привычной женской верхней одеждой оставалось полупальто из сукна или плюша, которое для тепла подбивали ватой или овчиной. Самой популярной женской обувью были полусапожки из грубой кожи, защищенные от сырости галошами.

Во второй половине XIX в. в женской городской моде появились новые тенденции, связанные с общественным движением за права женщин. Эмансипированные представительницы разночинной интеллигенции, студентки и курсистки отказались носить неудобные платья с тюниками и турнюрами. Костюм из бархата, плюша и тяжелых шелков был признан буржуазным и получил название «обивочный» по аналогии с аляповатыми интерьерами барских домов. Были изъяты из обра-

щения корсеты, мешавшие нормальному дыханию, и дамские украшения. «Новые женщины» через одежду выражали свой протест против дискриминации. На улицах столичных и губернских городов появились девушки в блузах-гарибальдийках красного цвета с отложным воротником. Были позаимствованы из мужского гардероба галстуки и куртки. Сторонницу движения за равноправие женщин можно было безошибочно узнать по прическе, прямому широкому пальто, шляпе-амазонке и высоким сапожкам. В ее сумочке находился минимум вещей: кошелек или бумажник, носовой платок и портсигар. Таким образом, изменчивость моды зависит от многих факторов: политических событий, эстетических представлений человека, технологических возможностей текстильной промышленности и т. д. «Она удовлетворяет потребность в различии, тенденцию к дифференциации, к изменению, к выделению из общей массы, — констатирует культуролог Г. Зиммель. — …Мода всегда носит классовый характер. Мода высшего сословия всегда отличается от моды низшего, причем высшее сословие от нее сразу же отказывается, как только она начинает проникать в низшую сферу» [10, с. 98]. Для городского населения была характерна постепенная европеизация костюма — от быстрой и максимальной в среде дворянской аристократии до постепенной и имевшей характер сочетания западноевропейских и традиционно русских элементов среди купеческих низов и мещанства. Общей тенденцией эволюции городского костюма была усиливавшаяся утилитарность, упрощение и приспособление к местным условиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабичева, Н. Н. История художественно-материальной культуры. Костюм XIX в. / Н. Н. Бабичева. М. : Наука, 1966. 37 с.
2. Банникова, Е. В. «Купеческий стиль». Представление о моде и среде уральского купечества первой половины XIX в. / Е. В. Банникова // Вестник РУДН. Сер. История России. 2008. № 4. С. 105—116.
3. Жуков, В. И. Российское образование: истоки, традиции, проблемы / В. И. Жу ков. М. : Союз, 2001. 845 с.
4. Жуковская, Т. Н. Русский студент дореформенной эпохи: нормы, повседневная жизнь, корпорации / Т. Н. Жуковская, К. С. Казакова // Отечественная история. 2007. №6. С. 64—75.
5. Засосов, Д. А. Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX—XX вв. Записки очевидцев / Д. А. Засосов, В. И. Пызин. М. : Мол. гвардия, 2003. 467 с.

6. Кирсанова, Р. М. Русский костюм и быт XVIII—XIX вв. / Р. М. Кирсанова. М. : Слово, 2002. 224 с.

7. Кирсанова, Р. М. Невский шик. Мотивы петербургской моды / Р. М. Кирсанова // Родина. 2003. № 1. С. 91—93.
8. Кирсанова, Р. М. Дешево, да сердито. Первые распродажи в России / Р. М. Кирса нова // Родина. 2003. № 7. С. 103—104.
9. Кошман, Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и куль турные аспекты / Л. В. Кошман. М. : РОССПЭН, 2008. 448 с.
10. МельниковаDГригорьева, Е. Н. Принуждение к свободе: модный приговор Петра I / Е. Н. МельниковаГригорьева // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. 2009. № 11. С. 89—99.
11. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2 т. / Б. Н. Миронов. 3е изд. СПб. : Дм. Буланин, 2003. Т. 1. 583 с.
12. Охлябинин, С. Д. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX в. / С. Д. Охлябинин. М. : Мол. гвардия, 2006. 348 с.
13. Перхавко, В. Н. Пухловатые щеки с легким румянцем / В. Н. Перхавко // Родина. 2007. № 5. С. 104—107.
14. Суслина, Е. Н. Повседневная жизнь русских щеголей и модниц / Е. Н. Суслина. М. : Мол. гвардия, 2003. 381 с.
15. Шепелев, Л. В. Мундиры губернской администрации / Л. В. Шепелев // Родина. 1993. № 5. С. 35—38.